

создаст препятствия к формированию правового сознания, которые необходимо будет преодолевать в процессе реализации юридической ответственности.

Особенность реализации юридической ответственности заключается в том, что она не является самым негативным событием в правовой жизни человека. Такое событие уже произошло. Им является совершение правонарушения (преступления). Совершение правонарушения представляет собой личностно-правовую деаксиологизацию (ценностное падение) человека. Привлечение к юридической ответственности и ее реализация являются ценностным восстановлением (аксиологизацией) правового сознания человека. Поэтому человек, отбывающий наказание (взыскание), находится в состоянии восстановления, в процессе формирования личностно-правовых ценностей. В этой связи данный человек находится в более выгодном, благополучном состоянии по отношению к человеку, совершившему аналогичное правонарушение, но еще не привлеченному к юридической ответственности. Человеку, совершившему правонарушение, еще только предстоит путь восстановления правового сознания. Для правонарушителя привлечение к юридической ответственности связано с опасениями по поводу предстоящего неизвестного опыта. Однако процесс реализации юридической ответственности человеку необходимо пройти, чтобы вернуть себя в состояние правопослушности правовой жизни.

Личностная свобода человека, его правосознания означает выбор между правомерностью и противоправностью, который каждый человек делает сам. Изменить это внешним воздействием правоприменителя невозможно. При реализации юридической ответственности кроме восстановления правового сознания человека возможна также и большая личностно-правовая деаксиологизация человека. Из-за отсутствия принятия правовых ценностей правовое сознание человека не изменяется, по крайней мере, в лучшую сторону, но может выразиться и в совершении нового правонарушения (преступления), и, как следствие, привести к еще большей личностно-правовой деаксиологизации человека. С точки зрения реализации юридической ответственности это означает невозможность прямого внешнего изменения правового сознания личности правонарушителя, но предполагает необходимость осуществления деятельности по формированию правосознания человека в направлении развития личностно-ценностного отношения к праву, формирования личностных правовых ценностей. Деятельность правоприменителя должна быть направлена на формирование личностных правовых ценностей в процессе реализации юридической

ответственности независимо от успешности такого формирования, которое зависит от свободного принятия правовых ценностей человеком. Правоприменитель обязан стремиться к формированию правового сознания человека на протяжении всего периода исполнения наказания (взыскания).

Таким образом, успешность формирования правосознания в процессе реализации юридической ответственности определяется формированием личностных правовых ценностей, что имеет большое значение для общества, государства и конкретного человека. Однако деятельность правоприменителя при реализации юридической ответственности не может гарантировать формирования личностных правовых ценностей, что связано с личностной свободой человека. Привлечение к юридической ответственности и ее реализация являются ценностным восстановлением правового сознания правонарушителя.

УДК 343.82

Ю.А. Сурженко

СТАТУТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ПЕРВЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ РЕЖИМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Общеизвестно, что белорусские земли являлись политико-экономическим центром Великого Княжества Литовского (ВКЛ), в период существования которого и произошло зарождение такого вида наказания, как лишение свободы. Во многом появление этого наказания было связано с ростом преступности, господством насилия и произвола, что, в свою очередь, вынуждало органы власти принимать меры, направленные на изоляцию преступников. Так, одной из мер стало формирование мест, лишающих или существенно осложняющих возможность совершить из них побег. Кроме того, было необходимо исключить любые попытки незаконного освобождения содержащихся в них лиц, что требовало обеспечения надежной охраны. К тому же, как правило, организация мест лишения свободы и их охрана соответствовали степени опасности содержащихся в них лиц. Первоначально места лишения свободы представляли собой абсолютно разные сооружения (от различного рода ям и подвалов до хорошо обустроенных и охраняемых замковых сооружений), при этом должного внимания к нормативному правовому регулированию предъявляемых к таким местам требований, в том числе режимного характера, не уделялось.

В связи с этим огромное значение для развития наказания в виде лишения свободы, законодательного его регулирования, практики применения, формирования режимных требований имело принятие Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. Нельзя не отметить, что основными мыслителями, оказавшими влияние на формирование правовой мысли на наших землях и принятие указанных нормативных правовых актов, являлись: К. Туровский, Ф. Скорина, Л. Сапега, О. Волович, Н. Гусовский, М. Литвин, А. Волан, Н. Радзивилл Черный, В. Тяпинский, С. Будны, А. Гальштод и др. Они внесли неоценимый вклад в формирование теоретических положений в области права, заложили основы развития криминологической мысли в ВКЛ, а также определили направления развития уголовной и уголовно-исполнительной политики государства на многие столетия.

С нашей точки зрения, официальное закрепление Статутом 1529 г. наказания в виде тюремного заключения стало отправной точкой появления и развития в Беларуси различного рода тюремных сооружений. При этом, несмотря на то что сразу оно воспринималось как слишком мягкая мера (применялось за незначительные правонарушения либо до уплаты основного наказания в виде штрафа или выкупа), в условиях существовавшего феодального общества заключенные могли пребывать в тюрьмах пожизненно. Данное обстоятельство осложнялось и тем, что ни в Статуте 1529 г., ни в Статуте 1566 г. вопросам исполнения тюремного заключения, оборудования таких мест, содержания в них осужденных внимания не уделялось. Это приводило к попустительскому отношению даже к минимальным потребностям лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Совокупность указанных выше факторов обуславливала недовольство осужденных, отбывавших наказания в тюрьмах, что, в свою очередь, во многом детерминировало различные возмущения, бунты, нападения на лиц, осуществлявших охрану, попытки побегов и насильственного освобождения осужденных иными лицами. В связи с этим для сокращения подобного рода чрезвычайных происшествий в качестве мест лишения свободы использовались в основном подвалы и подземелья различных укрепленных сооружений. По данному поводу А.В. Шарков в своем исследовании отмечает, что существовавшие в рассматриваемый период тюрьмы можно разделить на три основных вида: обыкновенные, земляные и каменные, причем вид тюрьмы и условия содержания в них зависели от степени опасности заключенных.

Итак, несмотря на официальное введение Статутом 1529 г. тюремного заключения, первые нормы, регулирующие его исполнение, содержание

осужденных и организацию тюрем, были закреплены только в третьем Статуте 1588 г.

Так, в соответствии с артикулом 31 раздела 4 указанного документа вводилось предписание о создании при каждом замке и судовом дворе тюремных сооружений: «усюды ў замках і дварах нашых судовых пабудоваць вежы моцныя і глыбокія па шэсць сажняў у зямлі, і пры тым іншыя, не ў зямлі, больш лёгкія турмы, але ж усё ж з замкамі і добрыя моцныя ўмацаванні мець». Как уже ранее отмечалось, многие предписания, в том числе по обустройству мест заключения, часто в полной мере не выполнялись. Об этом может свидетельствовать, например, организация тюрьмы в Мирском замке, где нижняя тюрьма представляла собой погреб высотой всего две сажени, а не шесть, как это требовалось в соответствии с указанной нормой.

При этом, как и в настоящее время, основными требованиями ко всем видам тюрем были надежность сооружений и охраны. Представляется, что обстоятельством, послужившим первопричиной организации на белорусских землях основного количества тюрем непосредственно в оборонительных сооружениях городов и замков, является высокий уровень преступности, связанный с большим количеством разбойных нападений и убийств. Надежность их инженерных сооружений и соответствующей охраны являлось основной мерой предупреждения побегов, нападений на тюремную стражу с целью освобождения преступников и совершения иных противоправных деяний.

Кроме того, в третьем Статуте ВКЛ (артикулы 31 и 32 раздела 4) получили законодательное закрепление нормативные предписания, направленные на организацию исполнения и отбывания наказания в тюрьмах, что можно отнести к первым правовым проявлениям регламентации режима в местах лишения свободы на территории современной Беларуси. Содержание приведенных артикулов отражает также стремление законодателя установить в тюрьмах равные условия для заключенных одной категории. Этими же артикулами предусматривалась ответственность должностных лиц за предоставление узнику необоснованных льгот, что свидетельствует и о зарождении специализированных уголовно-правовых мер, направленных на обеспечение устанавливаемых режимных требований.

Таким образом, можно констатировать, что в XVI в. благодаря Статутам ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. существенное развитие получили не только само наказание в виде лишения свободы, но и неразрывно связанные с ним вопросы, касающиеся надлежащего его исполнения и отбывания, а также обустройства тюрем и подходов к обеспечению их стабильного

функционирования и пресечения возможных противоправных деяний. При этом, учитывая геополитическое положение ВКЛ, можно резюмировать, что Статуты ВКЛ явились основными первоисточниками формирования требований режима в местах лишения свободы не только для белорусского государства, но и территорий таких современных государств, как Литва, Украина, Россия, Польша, а также в определенной степени Латвии, Эстонии, Молдавии и Словакии.

УДК 343.8

М.А. Темирханов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

На современном этапе развития института назначения уголовных наказаний в России все более актуальной становится сфера применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Мы остановимся на таком виде наказания как обязательные работы, который является альтернативным лишению свободы, и представляет собой самостоятельный вид уголовного наказания.

Следует отметить, что исполнение наказаний и осуществление контроля за поведением осужденных к наказанию в виде исправительных работ возлагается согласно ст. 16 УИК Российской Федерации на уголовно-исполнительные инспекции, которые, в свою очередь, согласно ч. 5 ст. 393 УПК Российской Федерации немедленно извещают суд, постановивший обвинительный приговор, о его исполнении.

Согласно ст. 25 УИК Российской Федерации обязательные работы осужденные отбывают по месту жительства.

Согласно закрепленным законодателем нормам по отбыванию наказания в виде обязательных работ, мы полагаем, что место отбывания наказания должно быть расположено в том населенном пункте, в котором проживает осужденный, чтобы он ежедневно имел возможность возвращаться домой после работы.

По нашему мнению, вышеуказанная категория осужденных имеет некоторые ограничения:

в период отбывания наказания в виде обязательных работ запрещены увольнения по собственному желанию;

осужденный не вправе отказаться от предложенной ему работы уголовно-исполнительной инспекцией;

осужденный обязан в течение 10 дней сообщить в уголовно-исполнительную инспекцию об изменении места жительства и (или) места работы.

Тогда возникает вопрос, как сможет отбывать обязательные работы осужденный, проживая в населенном пункте (село, деревня, хутор), где нет работы?

За нарушение порядка и условий отбывания обязательных работ к осужденным применяются санкции, предусмотренные в соответствии со ст. 29 УИК РФ.

Осужденный, допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме, а также осужденный, скрывшийся с места жительства, местонахождение которого неизвестно, считается злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ. При этом решение вопроса о замене наказания согласно ст. 49 УК РФ за злостное уклонение от его отбывания остается на усмотрение суда.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 в связи с вопросами, возникающими у судов при назначении уголовного наказания, и изменениями, внесенными в УК и УПК Российской Федерации, в целях обеспечения правильного и единообразного применения закона и в соответствии со ст. 126 Конституции Российской Федерации, ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» даются следующие разъяснения:

обратить внимание судов на необходимость исполнения требований закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания, имея в виду, что справедливое наказание способствует решению задач и достижению целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ;

с учетом того что наказания в виде обязательных работ и исправительных работ предполагают привлечение осужденного к труду, суд должен выяснять трудоспособность такого лица, наличие или отсутствие у него основного места работы, место постоянного жительства, а также другие свидетельствующие о возможности исполнения этих видов наказаний обстоятельства, в том числе указанные в ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ.

Таким образом, вышеуказанная категория осужденных, как свидетельствует практика, часто уклоняется от контроля уголовно-исполнительной инспекции, в том числе и от отбывания наказания, без уведомления соответствующего органа путем смены места проживания вплоть до выезда в другой регион или государство, на что требуется использование сил, средств и времени, как уголовно-исполнительной инспекции, так и сотрудников розыскных подразделений территориальных органов ФСИН и МВД России.